

Ибараки наблюдал за этой сценой, чувствуя лишь презрение к поведению Ёко. Он тихо позвал:

— Чу Чжоу.

Ответа не последовало. Ибараки почувствовал, как внутри все сжалось. А когда он увидел, что Ёко, виляя хвостом и притворяясь милым, бросил на него насмешливый взгляд, он разозлился еще сильнее.

— Старший брат.

Послышался обиженный голос. Чу Чжоу, обнимая Ёко, только собрался повернуться, как кто-то крепко обнял его со спины.

Он попытался поднять голову, но Ибараки наклонился, положив подбородок ему на плечо. Слегка повернув голову, он выдохнул на ухо Чу Чжоу горячий воздух, отчего того пробрала легкая дрожь.

— Ха, — Ибараки, казалось, усмехнулся — Чу Чжоу почувствовал вибрацию его грудной клетки. Ему показалось, будто его мочку уха слегка прикусили, а может, это была лишь иллюзия от близости. В ушах прозвучал низкий голос: — Чу Чжоу.

Этот голос, глубокий и слегка хриплый, отозвался в сознании парня, заставив его вздрогнуть. Ёко в его руках тихо пискнул и царапнул его когтистой лапкой, и только тогда Чу Чжоу пришел в себя и оттолкнул Ибараки.

Он смущенно и сердито обернулся, но, встретившись с преданным взглядом Ибараки и услышав жалобное «старший брат», мгновенно растерял весь пыл.

Ладно, лучше уж пойти на арену.

Когда время почти вышло, Чу Чжоу отправился на поле битвы.

К счастью, он успел вовремя и переместился на арену до того, как его окружила толпа фанатов.

Зрители внизу восторженно следили за ним, отовсюду доносились крики. Чу Чжоу бросил мимолетный взгляд вниз, и сектор, на который он посмотрел, взорвался от радости.

Его противник был высокого уровня и, не сводя с него глаз, выглядел крайне возбужденным.

Снова два SR-сикигами.

Чу Чжоу призвал Ибараки и, выждав, пока противник нанесет один удар, мгновенно уничтожил его. Зрители закричали так, что, казалось, сотрясли небо, а их взгляды стали еще более благоговейными.

Люди бросились к барьеру, надрывая глотки, словно обезумевшие фанаты. Не обращая на них внимания, Чу Чжоу поспешно ушел.

Быстро завершив два боя, он решил выйти из игры. К счастью, проходя через портал, он уже переместил Ибараки и Ёко в пространство, так что не пришлось искать предлог, чтобы они зашли туда сами.

Он открыл панель и вышел.

Вернувшись в свой мир, он нажал на призыв.

Цветы отцвели, горный туман сгустился.

В храме Ланьжо, под деревом Бодхи, кто-то в черном монашеском облачении сидел с закрытыми глазами, погруженный в медитацию.

В тишине, нарушаемой лишь едва слышным пением сутр, внезапно раздались быстрые шаги. Молодой послушник, тяжело дыша, распахнул ворота:

— Дядюшка-наставник, настоятель ждет вас в гостевом зале.

Человек под деревом поднялся. Серебристо-белые длинные волосы соскользнули с плеч. Он медленно открыл глаза — в них не было ни ряби, ни тени.

31. Цин Фан

На вершине горы царил тишина, туман становился гуще. Среди только начавших распускаться цветов персика внезапно возник силуэт.

Чу Чжоу открыл глаза. Перед ним раскинулось море розовых лепестков, вдали все расплывалось в густой дымке.

Постояв немного, он пошел по тропинке. Миновав несколько поворотов, он почти выбрался из персикового сада и сквозь редящий туман разглядел очертания жилья.

Подойдя ближе, он остановился перед воротами и прочел надпись на табличке.

Оказалось, это храм.

В открытых воротах маленький послушник подметал двор. Услышав шаги, он поднял голову. Увидев Чу Чжоу, он выронил метлу и бросился вглубь храма с криком:

— Учитель! Тот демон снова пришел!

Прежде чем появился сам учитель, из-за угла высыпали несколько молодых монахов, с любопытством и страхом разглядывая гостя.

Чу Чжоу растерянно замер, раздумывая, не уйти ли, пока есть шанс — ведь «демон» явно не

комплимент. Вдруг в ушах раздался знакомый механический голос: «Это новая настройка личности». Он вздрогнул и резко обернулся, но никого не увидел.

В этот момент вышел монах средних лет в сером облачении. Увидев гостя, он вздохнул:

— Заходи. Настоятель хочет тебя видеть.

Он развернулся и пошел прочь, но, не услышав шагов позади, обернулся с недоумением:

— В чем дело?

Чу Чжоу заколебался, но пошел следом.

Пусть он не понимал, почему система включилась именно сейчас, но раз уж ему дали эту роль и он здесь оказался, значит, войти внутрь — правильный шаг.

Миновав главные ворота, они дошли до гостевого зала. Монах оставил его у порога и удалился. Чу Чжоу вошел внутрь. Там сидел старый монах с четками в руках, с добрым и светлым лицом — это был настоятель.

— Я уже говорил, что наш храм не принимает таких злодеев, как ты. Но раз ты столь упорен, я дам тебе еще один шанс, — милосердно произнес настоятель. — Я уже отправил человека за Цин Фаном.

Только вот Цин Фан был всецело предан Будде и вряд ли согласится взять в ученики того, кто совершил столько зла.

Чу Чжоу с невозмутимым видом кивнул, хотя внутри у него была полная каша. Упорен? Цин Фан? Кем же он в этот раз стал?

Вскоре снаружи слышались шаги, и он необъяснимо занервничал.

— Учитель.

Раздался холодный, спокойный голос. Цин Фан вошел в комнату, поклонился настоятелю и опустил глаза, не удостоив гостя ни единым взглядом.

Чу Чжоу, пораженный его необычайной красотой и отрешенным видом, подумал: не этот ли человек его цель? В конце концов, все его прошлые сикигами были очень красивы.

— Цин Фан, готов ли ты взять его в ученики? — настоятель спросил прямо, явно не надеясь на согласие.

Цин Фан, как и ожидалось, отказался, даже не взглянув на парня рядом:

— Мое сердце еще не достигло просветления, я не могу сбить с пути другого.

Настоятель вздохнул и посмотрел на Чу Чжоу:

— Цин Фан не желает, уходи с горы.

Чу Чжоу, размышлявший о связи внешности сикигами с его миссией, внезапно услышал это. Его уже выпроваживают? А что, если Цин Фан и есть цель? Обычно место появления находится недалеко от цели.

Он посмотрел на холодную фигуру рядом, набрался наглости, протянул руку и слегка дернул того за край одежды.

Цин Фан наконец отреагировал. Его взгляд проследовал по тонкой, бледной руке и остановился на лице гостя. Темные глаза парня выглядели по-детски жалостными, а уголки губ приподнялись в робкой, милой улыбке.

Что-то дрогнуло в его сердце, и он не стал отстраняться.

Чу Чжоу, увидев, что тот не сердится, тихо добавил:

— Учитель.

Цин Фан не ответил, но и не отказал. Снова поклонившись настоятелю, он развернулся и вышел.

Настоятель посмотрел ему вслед, покачал головой и вздохнул.

Чу Чжоу последовал за ним под изумленными взглядами других монахов, дойдя до самого дальнего двора.

Здесь было тихо, почти никто не ходил, лишь доносилось слабое эхо пения из ближайшего храма. Двор был пуст, росло лишь дерево Бодхи, а под ним лежал коврик для медитации.

Цин Фан остановился. Чу Чжоу, разглядывавший окрестности, чуть не врезался в него.

— Учитель? — с сомнением позвал он.

— Ты уверен, что хочешь принять веру Будды? — не оборачиваясь, спросил тот холодным тоном.

Чу Чжоу ответил:

— Уверен.

Цин Фан обернулся, слегка опустил взгляд, голос его оставался бесстрастным:

— Вступая на путь Будды, ты должен отринуть гнев, невежество, страсть и алчность. Жить праведно, не имея желаний. Сможешь ли ты?

Чу Чжоу не ожидал, что тот так быстро сдастся, и радостно ответил:

— Смогу.

Цин Фан кивнул и больше ничего не сказал.

Они подошли к комнате, и Цин Фан произнес:

— Отныне ты живешь здесь.

Чу Чжоу, соглашаясь, толкнул дверь. Внутри были кровать и стол с книгами, но на кровати не было даже одеяла. Он удивленно спросил:

— Учитель, это ваша комната?

Цин Фан кивнул.

— Если я буду жить здесь, то где будете вы?

Тот ответил равнодушно:

— Я пойду в главный храм.

Не дожидаясь новых вопросов, он направился к дереву и снова погрузился в медитацию.

Чу Чжоу не решился его беспокоить. Подумав, он решил разузнать, что же это за личность ему досталась.

Только он вышел за ворота, как встретил маленького монаха. Тот резко остановился и подозрительно спросил:

— Что ты здесь делаешь?

Не дожидаясь ответа, он раздраженно добавил:

— Дядюшка-наставник не возьмет тебя в ученики, уходи!

Чу Чжоу медленно произнес:

— Но учитель уже разрешил мне остаться.

— Что? — монах взвизгнул, и в его глазах блеснула зависть. — Как это возможно? Почему он взял в ученики такого, как ты?

Чу Чжоу зацепился за фразу «такого, как ты». Он не разозлился, а решил, что монах может знать что-то важное, поэтому спросил:

— А что со мной не так?

Но монах лишь фыркнул и убежал.

Оставив Чу Чжоу в недоумении. Ладно, поищу кого-то другого.

Близился вечер.

Лежа на кровати, Чу Чжоу обдумывал собранные по кусочкам сведения.

Говорили, что он был демоном, совершившим бесчисленные злодеяния. Однажды он вдруг решил оставить меч и примкнуть к буддистам, придя в знаменитый храм Ланьжо.

Но правила храма были строги, а он почему-то решил, что хочет в ученики именно к Цин Фану, который никогда не спускался с горы. И вот он каждый день приходил сюда, пока сегодня наконец не попал внутрь.

Чу Чжоу невольно скривился — ну и настройка! Но раз Цин Фан в центре внимания и к тому же самый красивый в храме, то, судя по опыту, он точно его цель.

Успокоившись, он постепенно заснул.

Глубокой ночью Чу Чжоу резко проснулся. В лунном свете очертания предметов едва угадывались.

Тук, тук, тук...

Звук деревянного барабанчика доносился откуда-то неподалеку.

Чу Чжоу открыл дверь, скрип которой эхом разнесся по тишине. Звук барабанчика на мгновение стих, а затем зазвучал вновь.

Выйдя во двор, он увидел впереди призрачный свет и направился к храму.

32. Вступление в мир

В храме горела лампа.

Цин Фан сидел на коврике перед статуей Будды, беззвучно шепча сутры и ударяя в барабанчик. Даже не открыл глаз, когда кто-то подошел.

Чу Чжоу постоял рядом. Видя, что тот не меняет позы, он спросил:

— Учитель, вы каждый вечер читаете сутры?

Цин Фан кивнул, не прекращая движений.

Чу Чжоу не стал мешать и тихо встал рядом.

Вдруг Цин Фан открыл глаза. Его черные зрачки были чистыми, а голос напоминал холодный зимний ручей:

— Ты не хочешь отдохнуть?

Чу Чжоу покачал головой, увидел рядом свободный коврик, сел и, взяв барабанчик, начал стучать, подражая учителю.

Цин Фан почувствовал его присутствие, на мгновение замер, но затем снова погрузился в буддийское учение.

Незаметно забрезжил рассвет, лампа погасла.

Цин Фан наконец остановился и обернулся. Чу Чжоу дремал, едва удерживая колотушку.

Мысли Цин Фана унеслись далеко.

Все ночи он проводил в одиночестве, лишь со звуком барабанчика. Никто еще не сидел рядом с ним вот так, всю ночь напролет.

— Учитель.

Голос прозвучал неожиданно. Цин Фан пришел в себя и увидел, что Чу Чжоу зевает и с любопытством смотрит на него.

Он помолчал мгновение и сказал:

— Иди отдохни.

Чу Чжоу был так измотан, что не стал спрашивать, отдохнет ли сам учитель, а просто побрел в комнату и мгновенно уснул.

День был в самом разгаре.

Чу Чжоу проснулся только к полудню. Потянувшись, он вышел во двор и, увидев послушника, спросил:

— Где Цин Фан?

— Дядюшка-наставник у настоятеля, — ответил тот.

Чу Чжоу кивнул и уже собрался уходить, но спросил:

— А что учитель делает обычно?

— Дядюшка — самый талантливый в храме, он всецело предан Будде, каждый день читает сутры и постигает истину.

Чу Чжоу вспомнил его сосредоточенность и подумал, что отныне должен жить по его расписанию, иначе никак не завоевать расположение человека, который не видит ничего, кроме веры.

Тем временем.

Цин Фан спокойно смотрел на настоятеля.

— Цин Фан, ты обладаешь великим даром. Читаешь сутры каждый день, но знаешь ли ты, почему до сих пор не обрел «сердце дзен»?

— Ученик не знает.

Цин Фан действительно не понимал. Будда говорил о восьми страданиях, в которых барахтаются люди. Но он с рождения был выше этого: без боли, без желаний, пустота во всем.

— Ты предан Будде, но истинное освобождение приходит лишь через опыт, — вздохнул настоятель. — Сейчас в мире хаос, призраки бродят повсюду. Готовься, пришло время выйти в мир.

Цин Фан поклонился: «Слушаюсь» — и удалился.

По пути он встретил группу монахов, обсуждавших учение.

Он невольно задумался о словах настоятеля. Что значит «войти в мир»? Поможет ли это стать Буддой?

— Учитель?

Его окликнули. Это был Чу Чжоу.

— Вы идете есть?

Цин Фан кивнул и свернул к трапезной.

Чу Чжоу последовал за ним, удивляясь его бодрости:

— Учитель, вы не спали?

— Если в практике есть успех, достаточно медитации, сон не нужен.

— Э? — Чу Чжоу был поражен.

Практика? Медитация? Значит, это не обычный мир? Почему же тогда он не может использовать способности Инь-ян мастера? Впрочем, если здесь можно тренироваться, он тоже попробует.

В трапезной было пусто. Цин Фан взял еду, но почти не притронулся к ней, в то время как Чу Чжоу, проголодавшись, быстро расправился со своей порцией.

Закончив, Цин Фан сказал:

— Возвращайся и читай книги о буддийской философии.

Чу Чжоу решил попробовать тренироваться. Читая книги, он узнал, что уровень мастерства зависит от чистоты сердца и глубины понимания сутр. Чем больше читаешь, тем выше уровень, пока не упрешься в предел.

Он гадал, на какой стадии сейчас Цин Фан?

Вечером он снова пришел в храм.

Цин Фан по-прежнему сидел с закрытыми глазами. Чу Чжоу тихо усмехнулся. Цин Фан на мгновение замер, открыл глаза, посмотрел на его улыбку и, помедлив, снова закрыл их, слегка подрагивая ресницами.

Прошло несколько дней.

Однажды он увидел, что Цин Фан надел белое одеяние, взял соломенную шляпу, посох и небольшой узелок, собираясь выйти из храма.

Чу Чжоу подбежал к нему:

— Учитель, куда вы?

— Спускаюсь с горы.

— Спускаетесь? А как же я?

Цин Фан ответил равнодушно:

— Я иду в мир для практики. Ты еще не вошел в учение, должен остаться здесь.

— Я пойду с вами, — твердо сказал Чу Чжоу.

— ...Нет, — Цин Фан на мгновение замолчал и отказал.

<http://bllate.org/book/22423/2354275>